

Жуань Цинхуань, помогая Фэйсяо поправить одеяло, внезапно почувствовала под подушкой что-то твердое. Предмет был довольно жестким — спать на таком было бы сущей пыткой.

У Жуань Цинхуань была легкая форма обсессивно-компульсивного расстройства, поэтому, помедлив три секунды, она все же решила извлечь находку.

Это оказался толстый дневник в потрепанной обложке, однако стоило открыть его, как страницы внутри выглядели совсем новыми. Это свидетельствовало о том, насколько дорог этот предмет его владелице.

Жуань Цинхуань была воспитана в строгости и не привыкла копаться в чужих вещах без разрешения. Но первая же страница дневника была датирована днем рождения ее матушки столетней давности... Ей стало до крайности любопытно, как Фэйсяо описала те события со своей точки зрения.

Поколебавшись, Цинхуань все же позволила любопытству взять верх над разумом. Убедившись, что Фэйсяо спит, она решилась и открыла тетрадь. Сначала она читала с равнодушным видом, но по мере того, как суть событий прояснялась, ее глаза округлились от изумления.

— Двенадцатое октября. В тот день лил дождь, какого не видели сотню лет. Я впервые села за штурвал звездного ялика учителя и по неосторожности врезалась в человека...

До этого места все выглядело нормально: с точки зрения Фэйсяо, описание совпадало с версией Фуфу. Однако в самом конце следовал внутренний монолог:

— Жаль, я не успела спросить имя той девушки, но она сказала, что мы обязательно встретимся снова. Надеюсь, это правда.

Дальше содержание дневника резко изменилось.

— Тринадцатое октября. Что за времена пошли? Учитель без предупреждения решил устроить мне смотрины с этой барышней Жуань Цинхуань!

— Я даже не видела ее раньше! Не знаю, кто она такая! Я хочу отказаться! Сбегу из дома, не люблю я знатных девиц. Мое сердце уже давно принадлежит той девушке-ангелу, в которую я врезалась.

— Даже если придется жить впроголодь и терпеть давление, сегодня я восстану против этого навязанного брака!

— Четырнадцатое октября. Госпожа Жуань Цинхуань такая красивая... Оказывается, это и есть та самая девушка... Признаю, я была слишком резка с учителем.

— Пятое октября. Ее характер, каждое движение, каждая улыбка — все это мне по душе... Я начинаю ждать нашей свадьбы.

Где же твоя гордость, Фэйсяо, так отчаянно сопротивлявшаяся воле учителя? — подумала Жуань Цинхуань, перелистывая страницу и стараясь не выдавать своих чувств.

Далее шло полгода любовной истории. Цинхуань мельком проглядела записи и, покраснев до кончиков ушей, перелистнула на день свадьбы.

— Третье марта. Свадьба.

— Четвертое марта. Занимались любовью.

— Пятое марта. Занимались любовью.

— Шестое марта. Навестили родителей.

— Седьмое марта. Фэйсяо, ну как же ты могла так пасть? Где твои великие амбиции, о которых ты мечтала раньше? Нельзя так продолжать!

— Восьмое марта. Занимались любовью.

Неужели Цинхуань тебе уже наскучила? — она едва заметно усмехнулась.

Она заметила, что Фэйсяо вела дневник не каждый день, и за полгода не нашла в записях ничего по-настоящему ценного, отчего почувствовала легкое разочарование.

Цинхуань уже хотела отложить дневник, как вдруг человек на кровати зашевелился.

Она вздрогнула, пытаясь спрятать книгу, но было поздно. Фэйсяо, заметив ее, потирая голову, подошла ближе:

— Что ты делаешь?

Взгляд Фэйсяо упал на дневник, который Цинхуань не успела убрать. Она подошла и без лишних слов вырвала его из рук девушки.

У военных всегда была крепкая хватка, а у Фэйсяо и подавно. Жуань Цинхуань не успела среагировать и едва не последовала за ней, дернувшись всем телом.

Она с удивлением посмотрела на Фэйсяо, лишившись дара речи. Она не понимала, почему та так с ней поступила.

Фэйсяо тоже осознала свою резкость, но ничего не могла поделать: в дневнике были скрыты ее тайные планы, и никто не имел права их видеть.

— В следующий раз предупреждай, прежде чем входить.

Жуань Цинхуань опустила глаза. Она просто хотела помочь Фэйсяо вернуться, а не вторгаться без спроса. Она вообще-то собиралась к матушке.

— Хорошо.

Цинхуань прошла мимо нее и одиноко направилась к выходу. Фэйсяо, не ожидавшая ответа, обернулась, но увидела лишь удаляющуюся хрупкую фигуру.

Фэйсяо была готова к холодной войне и к принудительным мерам. Но сейчас, вспоминая обрывки воспоминаний о недавнем опьянении, ее мысли спутались.

Что-то было не так.

Та, что обычно игнорировала ее, вдруг запела и позволила погладить свои пушистые ушки.

Жена, которая не отвечала ни на одну из сотни ее фраз, вдруг сказала ей хорошо.

Генеральша, знавшая в лицо всех подчиненных, вдруг не знала, кто такой Цзяоцю.

Это уже не просто странности, это катастрофа!

Вернувшись в свою комнату, Жуань Цинхуань повалилась на стол, положив подбородок на скрещенные руки.

— Я же не нарочно, — обиженно пробормотала она. — Почему она так со мной груба? Еще и шипела на меня.

Она не понимала, в чем причина ее обиды, но на душе было тяжело, словно сердце разрывалось от боли. Словно прежде Фэйсяо никогда так с ней не обращалась.

Всего из нескольких строк дневника она поняла: Фэйсяо была ее женой, а она — ее женой.

Между ними было бесчисленное множество нежных моментов. Фэйсяо была той, с кем она хотела прожить остаток своих дней, поддерживая друг друга.

Как же она могла так с ней поступить?

Ей вдруг невыносимо захотелось увидеть матушку.

Ребенок, находящийся вдали от дома, начинает тосковать по родным либо в праздники, либо когда его обидят.

Та, другая, могла быть жестокой и сто лет не навещать матушку, но она — нет.

Для нее еще позавчера она была девушкой, празднующей день рождения матери, а не выданной замуж дочерью, которую, согласно пословице, считают отрезанным ломтем.

Вспомнив о матушке и ее свежей выпечке, Цинхуань почувствовала, как защипало глаза. Смахнув слезы, она встала, чтобы спуститься вниз за корзинкой для еды.

Открыв дверь, она увидела свою жену, стоящую на пороге с той самой семейной фотографией. Фэйсяо молчала, и Цинхуань пришлось спросить первой:

— Что-то случилось?

— Можно войти?

В кристально-фиолетовых глазах Цинхуань мелькнуло недоумение, она отступила в сторону. Фэйсяо выбрала самый дальний диван.

Фэйсяо долго смотрела на нее, а Цинхуань, пребывая в полном замешательстве, уже хотела что-то сказать, как вдруг Фэйсяо показала ей фотографию.

— Когда делали этот снимок, учитель ушел на войну. Я прифотошопила его, выглядит естественно?

Цинхуань растерянно кивнула:

— Естественно. — На самом деле она даже не знала, кто этот лисолюд на снимке.

Фэйсяо помрачнела и положила фото на стол:

— Предыдущие снимки я сожгла. Если снова увижу Яньцина, я извинюсь перед ним.

Откуда Цинхуань было знать, кто такой Яньцин? Она даже не знала, что Фэйсяо сожгла старые фото, поэтому ей пришлось держать холодную маску:

— Понятно.

Фэйсяо подняла на нее взгляд, отражаясь в ее ярко-синих глазах. Цинхуань вдруг показалось, что ее поймали с поличным.

— Ты поняла?

Цинхуань моргнула, не понимая смысла слов.

— Что?

Фэйсяо сделала шаг к ней:

— Фотографию сожгла не я. Это ты сожгла ее пламенем Феникса.

— ...

Фэйсяо сделала второй шаг, в ее тоне послышались нотки обвинения:

— Яньцин — младший ученик генерала Цзин Юаня, ему четырнадцать. Когда делали то фото, он еще даже не родился.

— ...

Все кончено! Жуань Цинхуань закрыла глаза, смирившись с судьбой. Как же быстро ее разоблачили!

<http://bllate.org/book/21357/2173021>